

— Помимо этого, других ранений нет, монах... кхм, что он обнаружил? Почему ты вообще не разговариваешь?

Лу Эрци, потирая руку, наконец сумел подняться, опираясь на плечо Цзян Шинина. Он рано остался сиротой, не ведая должного почтения к старшим. Если бы Сюань Минь прежде не продемонстрировал свои способности, Лу Эрци вряд ли стал бы выбирать выражения и, скорее всего, продолжал бы звать его просто «монахом».

Двое пострадавших, чьи травмы нельзя было назвать ни легкими, ни смертельными,ковыляя, приблизились к Сюань Миню. Поскольку тот всегда держался холодно и отстраненно, они не осмелились подойти слишком близко. Застыв на расстоянии полушага, они, словно сурикаты, вытянули шеи, разглядывая то, что лежало на полу.

Бумажный талисман, который Сюань Минь держал в руках, очевидно, обладал некой магической силой: он горел уже долгое время, но никак не мог догореть до конца. Огонек на кончиках пальцев монаха едва теплился, света было мало, но его хватало, чтобы отчетливо разглядеть лицо, лежавшее на земле.

Цзян Шинин: «.....»

Лу Эрци: «.....»

Честно говоря, в дрожащем, тусклом свете, в ситуации, когда ты, подобно слепому на слепой лошади, не видишь пути впереди, внезапно обнаружить голову своего спутника — тут немудрено сойти с ума или разрыдаться. А уж то, что лицо Сюэ Сяня было обращено вверх, а из всех семи отверстий сочилась кровь, придавало картине поистине кошмарный, леденящий душу вид.

Однако...

Первым чувством, захлестнувшим Цзян Шинина, было полное онемение.

Следом пришла мысль: «Что за чертовщина происходит...»

И лишь в самый последний момент в голове гулко отозвалось, и, почувствовав, как холодеют руки и ноги, он пробормотал:

— Конец... Как же теперь жить, если голова отвалилась?

Он наконец понял, почему Сюань Минь так долго медлил с ответом. Такое зрелище не то что видеть — слышать о подобном не доводилось. Еще минуту назад этот предок болтал без умолку, не давая никому покоя, а кто бы мог подумать, что он умудрится буквально оторвать себе голову?

— А... а тело где? — заикаясь, спросил Цзян Шинин.

Лу Эрци, чей испуг еще не прошел, вытаращил глаза и перевел взгляд на Сюань Миня.

Сюань Минь молчал. Его лицо оставалось бесстрастным, он лишь протянул руку и достал из потайного кармана ту самую бумажную оболочку. Прежде такая живая и подвижная, теперь она лежала на его ладони, не шевелясь — словно обычный, безжизненный лист бумаги.

Цзян Шинин открыл рот, не зная, что сказать. Первым нарушил молчание Лу Эрци:

— Он... он человек или дух? Разве можно так жить?

— Должно быть... — машинально ответил Цзян Шинин, но тут же осекся, понимая, что продолжить мысль невозможно. Он помедлил и, осторожно подняв с пола тонкую, как лист, голову, робко позвал:

— Сюэ... брат Сюэ? Ты еще в сознании? Если слышишь, подай знак.

— ...

Он затаил дыхание, ожидая ответа, но тишина была ему ответом. Рука, державшая голову Сюэ Сяня, дрогнула, и он поспешно переложил её на ладонь Сюань Миня.

— А если приклеить на клейстер, поможет? — сухо спросил Лу Эрци.

«Поможет? Ты хоть раз видел, чтобы оторванную голову приклеивали клейстером? Сам попробуй, если такой умный!» — Цзян Шинин с трудом сдержал поток слов, которые вертелись у него на языке, помня о юном возрасте Лу Эрци. Он лишь в тоске и смятении смотрел на Сюэ Сяня, чье тело и голова существовали отдельно друг от друга.

В этот момент Сюань Минь, который до сих пор не сводил глаз со своих ладоней, внезапно произнес:

— Спасти нельзя. Нужно сжечь.

Цзян Шинин и Лу Эрци вскрикнули почти в один голос:

— Что?!

Сюань Минь не изменился в лице, его суровый облик заставил Цзян Шинина поверить в серьезность намерений. У того даже ноги подкосились:

— Мастер, вы ведь шутите, правда?

— Я не собираюсь хранить тело бумажного человека, — ответил Сюань Минь и поднес горящий талисман к бумажной оболочке Сюэ Сяня.

В тот самый миг, когда языки пламени были готовы коснуться бумаги, у самого уха Сюань Миня раздался леденящий голос:

— Убери руки! Смеешь?!

Голос исходил уже не от бумажной оболочки — он раздался прямо из пустоты.

Цзян Шинин, до этого пребывавший в смятении и полуверии, вздрогнул и поднял голову. Он начал озираться вокруг Сюань Миня, но так и не решился ничего сказать, потому что не мог найти даже тени Сюэ Сяня.

На самом деле, в ту долю секунды, когда бумажное тело разорвалось надвое, Сюэ Сянь, дабы избежать лишних страданий, поспешно высвободил свой истинный дух. Истинный дух не имел телесной оболочки, он был подобен ветру или дыханию, и увидеть его было невозможно. Это как раз устраивало Сюэ Сяня — он умудрился по глупости оторвать себе голову, это было постыдно, и представать перед другими в таком виде ему совсем не хотелось.

Поэтому он молча притаился за спиной Сюань Миня, став своего рода невидимым призраком. Он надеялся, что, подкравшись бесшумно и прошипев что-то прямо в ухо этому лысому ослу, сумеет вывести того из равновесия.

Кто же знал, что Сюань Минь даже головы не повернет, а его тон будет таким спокойным, будто он заранее всё знал:

— Перестал притворяться мертвым?

Сюэ Сянь: «...»

Воистину, на всякую силу найдется управа. С тех пор как Сюэ Сянь встретил этого лысого, ему казалось, что он выплюнул уже все свои жизненные силы.

— Откуда ты знал, что я притворяюсь? — Сюэ Сянь, который не смог никого напугать и лишь сильнее разозлился, выдавил эти слова сквозь зубы.

Сюань Минь, не меняясь в лице, перевернул ладонь, убирая бумажную оболочку обратно в потайной карман, и холодно ответил:

— Зло живет тысячу лет.

Сюэ Сянь был готов отправить его на тот свет. Впрочем...

Вспомнив кое-что, он подавил свой буйный нрав. С неохотой он пошел на попятную:

— Ладно, человек с моим величием не станет снисходить до споров с тобой, лысый. Говори что хочешь.

Сюань Минь слегка наклонил голову, его взгляд едва заметно скользнул по пустоте у уха. Казалось, он был удивлен, что этот демон принял лекарство и внезапно стал таким покладистым, даже не пытаясь огрызнуться.

Сюэ Сянь тихо откашлялся. Видимо, то, что он хотел сказать, требовало немалой порции бесстыдства. Он покосился на Цзян Шинина и Лу Эрци, которые прислушивались к тишине, и решил понизить голос еще сильнее. Истинный дух не имел объема и веса, он был подобен порыву ветра. Сжавшись, Сюэ Сянь подплыл к самому уху Сюань Миня и прошептал так тихо, что никто другой не мог услышать:

— Лысый, давай договоримся.

Сюань Минь не ответил, но и не сдвинулся с места, ожидая продолжения.

— Одолжи мне свое тело, — сказал Сюэ Сянь.

Сюань Минь: «...»

Сюэ Сянь прикинул свои слова и понял, что они звучат двусмысленно, поэтому молча исправился:

— Нет, я не собираюсь тебя вселяться. Я хочу сказать — найди место, где я мог бы задержаться. Лучше всего — прилепиться к твоему поясу.

Сюань Минь: «...»

Сюэ Сянь: «...» Почему так трудно выразить словами обычную просьбу!

Причина его метаний заключалась в том, что истинный дух не мог долго существовать, ни за что не цепляясь. Ему была нужна физическая опора, иначе он попросту рассеется. Чем дольше дух скитался, тем больше повреждалась жизненная энергия. Сюэ Сянь не хотел, чтобы тело, которое он с таким трудом восстанавливал, снова превратилось в ничто. А раз бумажный человечек порван, обитать в нем он больше не мог.

А что до того, почему он хотел прилепиться к поясу...

С тех пор как Золотая бусина оказалась в потайном кармане Сюань Миня, он всё яснее ощущал, что тело этого монаха обладает особой природой. Он невольно вспомнил «звон колокола», который слышал дважды, и оба раза звук исходил из района поясницы Сюань Миня, заставляя его голову идти кругом.

Перемены в Золотой бусине были определенно связаны с этим. Он даже питал несбыточную надежду: если бусина будет находиться у пояса Сюань Миня, а он сам — рядом, не сможет ли он в скором времени вернуться в своё истинное тело? Хотя его драконьи жилы были вырваны, если хорошо ухаживать за собой, была надежда, что они вырастут вновь.

Он хотел как можно скорее вернуться в свой настоящий облик, чтобы больше не страдать от неудобств и не торговаться по каждой мелочи.

— Ладно, я к тому, что любое место подойдет. Не обязательно пояс, просто засунь меня в свой потайной карман, — Сюэ Сянь уже несколько раз сдал позиции, пока Сюань Минь молчал.

Сюань Минь бросил взгляд на пустоту:

— Еще минуту назад был полон отчаяния, а теперь сам просишься внутрь?

Сюэ Сянь, прикусив язык, недовольно проворчал:

— Да, да, ты скажи, можно или нет?

Сюань Минь спокойно спросил:

— Почему?

— У тебя кости необычные, — механически ответил Сюэ Сянь.

Сюань Минь покачал головой, словно не зная, что еще сказать этому демону. Подумав, он достал из потайного кармана Золотую бусину Сюэ Сяня. Сделав глубокий надрез на указательном пальце, он позволил капле алой крови выступить наружу. Используя кровь вместо чернил, он начертал на бусине заклинание. Сюэ Сянь узнал этот рисунок — когда он находился внутри бумажной оболочки, то сам начертал точно такой же на обороте листа.

Как только Сюань Минь закончил последнюю черту, бусина слабо вспыхнула и тут же погасла. Он взмахнул рукой, направляя дух Сюэ Сяня к бусине, и та поглотила его. Сюэ Сянь не вернулся в своё тело, но бусина стала для него пристанищем, в котором он мог временно пребывать.

Даже такое положение его вполне устраивало. Нужно признать, когда этот лысый не изводил его намеренно, он был вполне сносен, и этот жест попал прямо в цель.

Убирая бусину обратно в карман, Сюань Минь спросил:

— Еще будешь ползать?

Сюэ Сянь подумал: «У меня сейчас ни рук, ни ног, одна гладкая сфера, как я, по-твоему, должен ползать?!» Однако, получив от монаха услугу, он не хотел наглеть, поэтому непривычно покладисто ответил:

— Не буду.

— А небо с землей будешь переворачивать?

— ... — Сюэ Сянь сердито поджал губы, но в итоге смиренно добавил: — Не буду.

Видя, что демон наконец успокоился, Сюань Минь позволил бусине опуститься на дно кармана. На этом злодей наконец присмирел. Во-первых, он дал слово быть послушным, и нужно было хоть немного придерживаться приличий. Во-вторых, Сюань Минь выбрал отличное место: внутри этой круглой бусины Сюэ Сянь даже при желании не мог бы особо буяннить, кроме как перекатываться вместе с движениями Сюань Миня.

Цзян Шинин не слышал торга, но, наблюдая за действиями Сюань Миня, догадался о сути происходящего. Он указал на потайной карман монаха и спросил:

— Он сильно пострадал?

Сюань Минь покачал головой. Книжный червь наконец выдохнул.

Разобравшись с этим злополучным Сюэ Сянем, Сюань Минь осмотрел место, где они оказались. Подняв над головой огненный шар, он осветил всё вокруг: это была подземная каменная комната неизвестного происхождения, пол в которой был слегка наклонен. Сюань Минь направил свет в ту сторону, куда уходил уклон.

Цзян Шинин и Лу Эрци вздрогнули, увидев две огромные тени.

— Что это?! — выдохнул Цзян Шинин, отступая на два шага.

— Стражи гробницы, — ответил Сюань Минь.

Помещение было всего три-четыре чжана в длину, в конце его виднелась полуоткрытая каменная дверь. По обе стороны от входа стояли две огромные каменные фигуры зверей. Ростом они были больше чжана, с круглыми глазами и широкими лбами, источающие пугающую мощь. Они взирали на пришельцев сверху вниз. Фигуры такого масштаба и стиля обычно можно было встретить лишь в гробницах высокопоставленных особ.

— Стражи гробницы?! — Цзян Шинин не сомневался в словах Сюань Миня. По спине пробежал холодок. Он потер руку и спросил: — Неужели Остров Могильных Холмов на самом деле оправдывает свое название?

Лицо Лу Эрци позеленело:

— Но... никто никогда об этом не говорил! Все считали, что название дано из-за формы холмов. Если это настоящая могила, то как сюда вообще осмеливались приходить сборщики трав?

Сюань Минь поднес свет к мордам и лапам изваяний:

— Высечены недавно.

— Насколько недавно? — спросил Цзян Шинин.

— Три-пять лет, — ответил Сюань Минь.

Если их создали всего несколько лет назад, значит, и эта подземная гробница была построена недавно? Странно. Для кого?

Сюань Минь осветил место, откуда они упали, а затем осмотрел глубокий туннель наверху. Путь назад был отрезан, оставалось лишь идти вперед в поисках другого выхода.

Взмахнув огнем, он зашагал вперед. Цзян Шинин и Лу Эрци, хоть и были напуганы, не решились отставать и поспешили следом.

— Не бойся, не бойся, я сам — бродячий дух, — тихо повторил Цзян Шинин дважды, и ему, казалось, стало легче.

Сюань Минь прошел между двумя гигантскими стражами и толкнул полуоткрытую каменную дверь. Даже старая деревянная дверь при открытии обычно скрипит, но эта, каменная, издавала низкий, тяжелый скрежет, когда камень терся о камень. Звук был гулким и одиноким, отражаясь от стен бесконечным эхом, отчего волосы на затылке вставали дыбом.

Лу Эрци сжал ноги, чувствуя непреодолимое желание сходить в туалет. Однако, будучи упрямым и не желающим казаться слабым, он не отступил, а наоборот, стиснув зубы, шагнул вперед. В таком месте невозможно было угадать, где безопаснее — идти впереди всех или замыкать шествие.

Когда Сюань Минь почти открыл дверь до конца, она обо что-то ударилась с глухим стуком и застряла.

— За дверью что-то есть! — испуганно прошептал Лу Эрци, едва справляясь с дрожью в голосе.

Сюань Минь не спешил заглядывать за дверь, сначала осветив пространство перед собой.

— Мамочки... — не выдержав, вскрикнул Лу Эрци.

Это был еще один проход, ничем не отличавшийся от предыдущего, но гораздо более длинный. То, что напугало Лу Эрци до смерти, были стены: на них были изображены тотемы свирепых зверей, более страшных, чем стражи у входа. Но краска — или что это было — имела ярко-красный цвет.

— Э-э-э... это нарисовано кровью? — Лу Эрци был еще совсем молод и первым потерял самообладание. Сколько же крови нужно, чтобы нарисовать два таких огромных изображения?!

Цзян Шинин, натура мягкая, тоже вздрогнул, но затем пришел в себя:

— Вряд ли. Вдохни: если бы это была кровь, здесь стоял бы стойкий запах железа.

— Верно, — успокоившись, Лу Эрци принялся. — Запаха крови нет.

Как только страх утих, стали заметны детали. Например, оттенок рисунка был слишком алым. Если бы кровь высохла на стене, она давно бы приобрела буро-коричневый цвет.

— Киноварь, — Сюань Минь поднял глаза, осматривая стены.

Использование крови в гробницах — дело обычное, но киноварь — вопрос куда более интересный. Она обладает свойством изгонять нечисть. Использовать её для изображения стражей гробницы значило не пожелать покойному вечного сна или перерождения, а, наоборот, заточить его навечно, не дав обрести покой. Крайне жестокий метод.

Цзян Шинин хоть и не был знатоком могил, но про киноварь знал немало. В медицинской лавке он с детства запоминал свойства трав, и киноварь была в числе тех, о которых он читал в книгах.

— Рисовать зверей киноварью... — пробормотал Цзян Шинин. — Кто же так ненавидит того, кто здесь похоронен? Какая должна быть вражда, чтобы пойти на такое?

Сюань Минь махнул рукой:

— Возможно, в гробнице завелось зло.

Если тот, кто покоился в могиле, не находил покоя, строители могли прибегнуть к киновари, чтобы обезопасить себя. Все остальное — лишь домыслы. Цзян Шинин и Лу Эрци перестали гадать.

Видя, что Сюань Минь игнорирует стены и направляется за каменную дверь, они поспешили следом. Увидев, что там, Лу Эрци изменился в лице.

Дверь уперлась в препятствие, поэтому не открывалась до конца. Этим препятствием были люди. Двое — старик и юноша. Пожилой человек сжался в углу, прикрывая плечо рукой. Его халат был испачкан грязью, местами разорван, а на тыльной стороне ладони виднелся синяк — видимо, упал при падении.

Юноша же сидел, прислонившись к стене, с закрытыми глазами. Лицо его было бледным, как полотно, губы побелели. Он выглядел таким хрупким, что казался слабее даже Цзян Шинина — болезненная худоба делала его скулы пугающе острыми. В руке он сжимал три веточки сухого дерева, переплетенные красной нитью.



Если бы Сюэ Сянь мог выглянуть из кармана, он бы узнал эти веточки. И узнал бы этого юношу. Это был никто иной, как Лу Шицзю, которого они искали.

— Шицзю?! — Лу Эрци опешил, а затем бросился к нему. Он поначалу не знал, можно ли к нему прикасаться, но, убедившись, что на видимых частях тела нет страшных ран, принялся тряссти его за плечи. — Шицзю! Лу Шицзю! Очнись!

Тряся его, он кричал, а затем, увидев, что тот не двигается, принялся толкать старика:

— Старик Лю! Старик Лю, очнись!

Цзян Шинин сделал шаг вперед:

— Дай я посмотрю.

Однако, как только он наклонился, Лу Шицзю, чей лик был лишен всякой крови, наконец открыл глаза. Одновременно с ним очнулся и старик Лю. Тот дернулся, словно ему приснилось, что он проваливается в бездну, и резко открыл мутные глаза. Некоторое время он сидел, пытаясь осознать реальность, а затем, опираясь на землю, начал подниматься.

Цзян Шинин поспешил поддержать его. Старик Лю и Лу Шицзю обменялись взглядами, затем рассеянно посмотрели на прибывших — после долгой потери сознания они никак не могли прийти в себя.

Цзян Шинин и Сюань Минь, наблюдая за действиями Лу Шицзю, заметили, что он, как и говорил Лу Эрци, ведет себя довольно странно: по его поведению было трудно догадаться, что он слеп.

Лу Эрци хлопнул Шицзю по плечу:

— Оглох, что ли? Ты же чувствуешь энергию? Не узнал меня?

От этого удара Лу Шицзю словно вернулся в реальность. Он прохрипел, едва слышно:

— Эрци? — и начал пристально вглядываться в Лу Эрци, не отрывая от него глаз.

<http://bllate.org/book/21932/2278732>